

Плотная сетка оперных премьер (их в этом сезоне Мариинского театра семь) внушала балетоманам известные опасения. Дата единственной плановой балетной премьеры — «Щелкунчика» — фатально отодвигалась, а сама постановка обрастала слухами о несостоятельности малоизвестного хореографа, о том, что ведущие балерины отказываются танцевать, боясь затеряться среди фундаментальных декораций Михаила Шемякина. В итоге премьеру включили в программу Первого Международного фестиваля балета «Мариинский», надеясь, что она станет его кульминацией.

Крысы — это те же люди

Мариинка может делать с классикой что захочет

Общая газета
2001. - 1-7 апр. - с. 10

Так увидел «Щелкунчика» М. Шемякин

Провести такой фестиваль под силу лишь театрам с устойчивым репертуаром. Образцом может служить Датский королевский балет, где устраивают многодневные ретроспективы балетов Бурнонвилля, или Гамбургская государственная опера — там Джон Ноймайер много лет подряд собирает всю Европу на двухнедельный летний фестиваль «Гамбургские дни балета». Учтя, что на «Мариинский» фестиваль пригласили ведущих зарубежных критиков, а в программу включили экскурсию в закулисы, — фестиваль старались сделать максимально привлекательным для иностранных поклонников Kirov-Ballet. А так как они традиционно интересуются Петтипа, его балеты, во главе с исторической «Спящей красавицей», за-

няли пять из девяти дней фестиваля. Другие эпохи представляли «Дон Кихот» в хореографии Горького и вечер советской хореографии. Неожиданным остался Баланчин — бесспорное чудо последних десяти лет театра. Но балеты Баланчина, стоит надеяться, еще могут стать лейтмотивом следующего фестиваля.

Статус международного фестиваля обеспечили приглашен-

ные «звезды», которым предстояло двойное испытание — станцевать целый спектакль с мариинской труппой и показать привезенные номера на заключительном гала-концерте. Мариинка застраховала свое большое место — пригласили только танцовщиков-мужчин. Красивые темнокожие кубинцы — Х.М. Каренйо (АБТ) и К. Акоста (Королевский балет, Великобритания) — несомненные

виртуозы, но их спортивный стиль ложился крупными цветными стежками по пастельной глади мариинского стиля. Настоящим откровением для Петербурга стал Владимир Малахов — всеобщий любимец (среди зрителей были такие, кто специально ради него проделали долгий путь из Японии в Россию), ведущий солист Венской Штаатс опер и АБТ. Выпускник Московского хорео-

графического училища, много лет танцующий вне России, Малахов показался абсолютно «своим» на мариинской сцене, на которую вышел впервые, а его дуэт с Дианой Вишневой (Жизель, Манон) пробудил ностальгию по ушедшим в прошлое знаменитым балетным парам: Нуреев-Фонтейн, Дулинская-Сергеев... «Жизель» с участием Малахова и Вишневой заставила забыть даже о главном событии фестиваля — «Щелкунчике» копродукции М. Шемякина, В. Гергиева и Кирилла Симонова. Как и за Малаховым, за Шемякиным также приехали почитатели его таланта из Америки, где работы художника продолжают пользоваться неизменным успехом. Отношение петербуржцев к Шемякину, интерес к нему или явное недолюбование, например как автора известных скульптурных композиций, еще до спектакля определило его судьбу. Ненавистники, узнав, что Шемякин взялся за «Щелкунчика», сразу подумали о фрейдизме — переживания Маши будут истолкованы как комплексы, люди на деле окажутся крысами. Крысы на самом деле основательно населили спектакль. Старые тезисы «куклы совсем как люди» и «люди — это куклы» были отброшены, как отработанный материал, — кукол в спектакле не пустили, а тезис звучал по-новому: «крысы — это те же люди». Поединку Щелкунчика (существо с удлиненным носом) и крысиного кронпринца становится началом фарса, так как, согласно замыслу Шемяки-

на, людям и крысам нечего делить — и те и другие мечтают об одном: попасть в Конфитюрбург — это огромная лавка сластей, где все, вплоть до мебели, съедобно и развешанные повсюду насекомые не портят никому аппетита. Коль скоро крысы и насекомые у Шемякина — это повседневность, функцию сюжетных злодеев выполняют безобидные ранее снежинки, синхронно катаясь по полу, раскачивая черные юбки-колокола и под предводительством своей Королевы (Д. Павленко) насканивая на Машу (в этой экспрессии чувствуется рука А. Рагманского, который начинал работать над «Щелкунчиком»).

Шемякин монополизировал в спектакле все — от пространства сцены до ожиданий зрителя и как художник-монументалист сместил акценты на неподвижные предметы, поэтому все танцы, которые поставил молодой хореограф, танцовщик мариинского театра Кирилл Симонов, имели подчиненное значение. Но в контексте декларируемого Шемякиным буйства стилей бесконечные цитаты из известных балетов казались закономерностью.

Премьера состоялась. Сработали все механизмы — полетел старый дедушкин башмак, навесда унос Машеньку и ее длинноносого приятеля в шоколадный рай. Компьютеры ловко продиктовали светом. Сверхзадача синтеза жанров удалась.

Екатерина БЕЛЯЕВА